
«ТАК УМИРАЛИ ЦВЕТЫ АНАРХИЗМА...»
(о секретной поездке Николая Доскаля-Эссирного
в Нижегородскую губернию в 1926 г.)

В.П. Сапон

Кафедра истории политических партий и общественных движений
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
ул. Ульянова, 2, Нижний Новгород, Россия, 603005

В статье приводятся новые факты о политической деятельности небольшевистских левых групп в Советской России во второй половине 1920-х гг. Материал основан на архивных сведениях о конспиративной поездке анархиста Николая Доскаля-Эссирного в Нижегородскую губернию в 1926 г. Дело Н.С. Доскаля-Эссирного подтверждает, что русский анархизм оказался намного более живучим идейно-политическим феноменом, чем это традиционно представлялось в отечественной историографии.

Ключевые слова: левые партии и группы, антибольшевистская оппозиция, русский анархизм, Н.С. Доскаль-Эссирный.

Анархист Николай Семенович Доскаль-Эссирный (1897—1938) получил богатый опыт подпольной работы еще в эпоху революций и гражданской войны, однако во время своей конспиративной поездки по Поволжью он вел себя на удивление неосмотрительно и поэтому очень быстро попал на заметку ОГПУ. В частности, летом 1926 г. на пароходе, плывшем из Ярославля в Кострому, Доскаль устроил публичный диспут на тему «Анархо-синдикализм и ВКП(б)», который так увлек публику, что затянулся до самого утра. Невольным участником массового мероприятия стал некий ответственный партработник (по выражению Н. Доскаля-Эссирного, «коммунар с полным портфелем и пустой головой»), который был сразу же осажен и поддакивал проанархистски настроенному большинству (1).

Еще более странно конспиратор вел себя на нижегородской земле, где ему пришлось сделать вынужденную остановку. Доскаль-Эссирный устроился табельщиком на завод «Красный Якорь» неподалеку от Нижнего Новгорода, чтобы получить передышку и средства к существованию. Знакомясь с новыми людьми, как на заводе, так и в селе Безводном, где удалось снять жилье, новоиспеченный пролетарий вполне открыто представлялся активистом анархистской федерации, которая направила его в поволжский регион для срыва государственной кампании по сбору продналога. А секретарю местного волостного комитета ВКП(б) (!) новичок признался, что неоднократно ссылался за антисоветскую деятельность, совершал побеги и даже намеревался перебраться в Персию, но передумал и просил дать какую-нибудь работу, чтобы доказать преданность Советской власти (2). «Легенда» о добровольном уходе матерого оппозиционера из активной политики вряд ли кого-нибудь могла ввести в заблуждение, поэтому партийный секретарь обнадежил своего собеседника насчет работы, «рассчитывая этим временем его выявить и принять соответствующие меры, одновременно сообщив об этом в Уком ВКП(б)» (3).

Однако наиболее вопиющим нарушением элементарной конспирации стало хранение при себе письменных материалов, которые с головой выдали анархистского эмиссара властям. Так, в одном из неотправленных писем Н. Доскаля, датированном 17 июня 1926 г., высказывалось желание уехать из СССР, где «строят государство и на одном троне бывшего Николашки восседает сотня, а то и тысяча таких николашек, которые под всевозможными красивыми лозунгами и красивыми фразами творят безобразия» (4). (Кстати, в этом же письме автор упоминал, что «имеет переписку с Бразилией» и ждет ответа из Праги и Берлина). В короткой заметке, препровожденной знаменитыми бакунинскими словами «Страсть к разрушению есть творческая власть», речь шла о последней оппозиции в ВКП(б), существование которой якобы демонстрирует растерянность «вождей диктаторской партии» и перспективность «метода революционной борьбы» (5). Но, пожалуй, наибольший интерес для следствия представляла записка Доскаля, составленная 11 июля 1926 г. Здесь он укорял себя за излишне доверчивое отношение к большевикам в 1918 г.: «Если бы я знал, что мои товарищи, лежавшие рядом в цепи со мной против врага рабоче-крестьянского люда России, сделаются такими шкурниками и эксплуататорами, такими урядниками над крестьянством, то я сначала не стрелял бы врага, а своих товарищей» (6). Автор записки сетовал также на то, что оказался в трудном положении, поскольку, уйдя в свое время из анархистской конфедерации «Набат» к коммунистам, он остался провокатором для многих прежних товарищей по революционной борьбе. Сложность заключалась еще и в том, что он считал для себя невозможным выполнить задание некой областной конфедерации по организации партизанской группы, поскольку членами этой группы должны стать криминальные элементы, и передал свои полномочия уголовнику Зажиге. Заканчивалась запись романтической фразой: «Так умирают цветы анархизма» (7).

...Итак, появившись в селе Безводном 11 августа 1926 г., Н. Доскаль уже 17 августа давал показания в губернском отделе ОГПУ. Из данных, зафиксированных в протоколах допросов, следовало, что в руки чекистов попал человек с бурным политическим прошлым и не менее колоритным настоящим. Как следовало из анкеты, Николай Доскаль-Эссирный родился в 1902 г. в городке Бершадь Каменец-Подольской губернии (8). До 1916 г. учился в гимназии, примерно в это же время познакомился с неким Яневым, который и «обработал» его в духе анархизма. В 1917 г. при содействии эсера Гордеевского Доскаль вступает в качестве вольноопределяющегося в революционную армию и одновременно становится членом анархистской федерации «Набата». Одной из первых акций юного революционера стала совместная с товарищами-анархистами экспроприация в Могилеве, в Ставке верховного командования, в результате которой удалось «изъять» 20 тыс. руб. на «усиление издательского органа „Набат“». В декабре 1917 г. Н. Доскаль проводит еще один успешный «экс» — на этот раз в Полтавском юнкерском училище. Вырученные 60 тыс. руб., согласно признанию экспроприатора, также были отданы в фонд «Набата». Часть этих денег удачливый юноша получил для того, чтобы наладить связи с мариупольскими анархистами, однако, не сумев выполнить за-

дания, он уехал в Новороссийск. В целях конспирации пришлось выдавать себя за белогвардейского офицера (9).

После длительных злоключений Доскалю удалось пробраться сначала в красногвардейский отряд, действовавший в Черном лесу, а затем в Черниговскую губернию, где формировались части регулярной Красной армии для ведения партизанской войны против немецких оккупантов. Уже на этом этапе он действует в тесном контакте с большевиками, поэтому, узнав в конце 1918 г. о расколе «набатовцев» на две фракции, примыкает к тем товарищам, которые готовы были сотрудничать с ленинской партией. Сделав свой выбор, Николай вступил в отряд атамана Григорьева, в составе которого воевал до взятия у деникинцев Одессы (10).

На этом политическая эволюция вчерашнего гимназиста, подхваченного бурными потоками революции, не остановилась: во время отступления Красной армии с Украины, в августе 1919 г., он становится членом Коммунистической партии. Последующие несколько лет своей жизни арестант описал скупо: «учился и работал, как в военных организациях, так и в гражданских партийных и кооперативных, особенно в сахарной промышленности» (11). В 1925 г. Доскаль, по его собственному выражению, стал «на раздорожье». Из-за сложных взаимоотношений с товарищами по партийной ячейке Гниваньского рафинадного завода (Каменец-Подольская губерния), в которой Николай занимал должность секретаря, он вышел из рядов ВКП(б) и уехал из родных мест в надежде возобновить старые связи с анархистами (12).

В том же 1925 г. Николай Доскаль сумел выйти на анархистскую группу в Харькове, а затем связаться с единомышленниками в столице СССР. Именно здесь, по его словам, он получил партийную командировку в Поволжье (13). Суть задания состояла в том, чтобы, путешествуя по стране, проводить агитационные беседы в крестьянской среде и содействовать срыву продналоговой кампании советских властей (в своих показаниях эмиссар-анархист особенно подчеркнул, что террористические акты в программу не входили) (14). Получая явки от анархистов, Доскаль сумел из Москвы, через Сергиев Посад, Дмитров и ряд волжских городов добраться до Нижнего Новгорода, и именно здесь произошла досадная осечка, повлекшая арест: человек, которого посланцу из столицы рекомендовали в качестве связного, уехал в неизвестном направлении (15). В этих условиях Доскалю пришлось обустроиваться на свой страх и риск. Как он показал, причиной остановки в Безводном стали «усталость и ослабление организма, и отчасти нужда в небольших средствах для дальнейшего следования» (16). Вероятно, многомесячное выматывающее «хождение в народ» и провал нелегальной миссии, в самом деле, оказались тяжелым испытанием для не отличавшегося крепким здоровьем анархиста. Несмотря на это, он и под арестом не потерял присутствия духа и продолжил свою борьбу.

Поначалу арестованный «анархо-подпольщик» был настроен вполне миролюбиво и дал достаточно подробные показания, при этом, правда, часто ссылаясь на плохую память, как только дело доходило до конкретных фамилий. Однако когда стало ясно, что следствие затягивается, Доскаль изменил тактику: требуя

освобождения, он забрасывал соответствующие инстанции ОГПУ воинственными заявлениями с угрозой объявить голодовку. Первое заявление подобного рода появилось на третий день после ареста (17). Через две недели, 1 сентября 1926 г., анархист отказывается от гражданства «той республики, где существует и занимает первое место во власти ложь, издевательство и мошенничество» (18). Еще через месяц, в заявлении, написанном уже в московских Бутырках, подследственный решительно заявляет, что провокатором никогда не станет и товарищей выдавать не намерен (19). 19 октября он отказался от всяких объяснений со следователем и объявил «смертельную» голодовку (20).

При таких обстоятельствах бунтующему арестанту не приходилось надеяться на мягкий приговор. В составленном уполномоченным 1-го отделения СО ОГПУ заключении по делу Н.С. Доскаля-Эссирного указывалось, что последний, являясь активным «анархо-подпольником», «разъезжал по различным городам для связи с анархическими группами, их инструктирования, организации нелегальной связи, налаживания работы, развозил инструкции и литературу», «проводил среди рабочих и крестьян антисоветскую агитацию» (21). 15 октября 1926 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ конспиратор был приговорен к трехлетнему сроку заключения (22), большую часть которого он провел на Урале.

Как известно, в годы гражданской войны целая плеяда анархистов заявила о кризисе радикально-либертаристского движения в революционной России и, по выражению видного в прошлом анархиста-синдикалиста Д.И. Новомирского, «постучалась в двери Российской Коммунистической партии». Однако когда с началом мирной жизни «диктатура пролетариата» вполне отчетливо проявила себя как диктатура партийной бюрократии, а новая экономическая политика открыла путь для реставрации капитализма со всеми его «прелестями», анархизм вновь находит преданных адептов в рядах ревнителей свободы и социальной справедливости. В различных регионах советского государства возникают оппозиционные кружки, которые самим фактом своего существования подрывали идеологическую монополию правящей партии. Более того, анархисты «новой волны» стремятся наладить связи со своими единомышленниками в других городах, а это уже несло потенциальную политическую угрозу официальной власти. Не стоит, конечно, преувеличивать масштабов деятельности анархистского подполья, тем не менее упрямые факты, в том числе и дело Н.С. Доскаля-Эссирного, указывают на то, что русский анархизм оказался намного более живучим идейно-политическим феноменом, чем это традиционно представлялось в отечественной историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Центральный архив Нижегородской области (далее: ЦАНО). — Ф. 2209. — Оп. 3. — Д. 21397. — Л. 7.
- (2) Там же. — Л. 15—15 об.
- (3) Там же. — Л. 15 об.
- (4) Там же. — Л. 9.
- (5) Там же. — Л. 12.
- (6) Там же. — Л. 10 об.
- (7) Там же. — Л. 10, 11.

- (8) В примечаниях к воспоминаниям анархистки А.М. Гарасевой дается другая версия биографии Н. Доскаля, который приходился ей зятем (мужем сестры). В частности, в справке, составленной на основе следственного дела эпохи «большого террора», отмечается, что Н.С. Доскаль (1897—1938) являлся бельгийцем, уроженцем г. Антверпена, в Россию приехал с родителями в 1903 г. После отъезда родителей в Бельгию в 1913 г. переехал из Киева в Москву. В 1926 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и приговорен к трем годам заключения (*Гарасева А.М. «Я жила в самой бесчеловечной стране...»*: Воспоминания анархистки. — М., 1997. — С. 305—306). Таким образом, найденное мной следственное дело 1926 г. дает возможность, с одной стороны, выяснить подробности нелегальной миссии Н. Доскаля-Эссирного в Поволжье, а с другой — поинтересоваться деталями биографии известного в свое время «анархо-подпольника».
- (9) ЦАНО. — Ф. 2209. — Оп. 3. — Д. 21397. — Л. 38—39.
- (10) Там же. — Л. 39.
- (11) Там же. — Л. 23.
- (12) Там же. — Л. 39 об.
- (13) Там же. — Л. 24 об.
- (14) Там же. — Л. 24 об. — 25.
- (15) Там же. — Л. 24 об.
- (16) Там же. — Л. 23 об.
- (17) См. там же. — Л. 31.
- (18) Там же. — Л. 36.
- (19) Там же. — Л. 52—52 об.
- (20) Там же. — Л. 55.
- (21) Там же. — Л. 53.
- (22) Там же. — Л. 54.

**FLOWERS OF ANARCHISM WERE DYING THIS WAY...
(about conspiratorial trip of Nikolaj Doskal'-Essirniy
to Nizhegorodskaya province in 1926)**

V.P. Sapon

Department of History of Political Parties and Social Movements
N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod
Uljanov Str., 2, Nizhniy Novgorod, Russia, 603005

The article presents some new facts about non-Bolshevik left groups political activities in Soviet Russia in late 1920s. The story is based on contemporary records about Anarchist Nikolaj Doskal'-Essirniy's conspiratorial trip to Nizhegorodskaya Province in 1926. Doskal'-Essirniy's case confirms the fact that Russian Anarchism proved to be much more viable ideological and political phenomenon than it was traditionally interpreted in our historiography.

Key words: Left Parties and Groups, anti-Bolshevik Opposition, Russian Anarchism, N.S. Doskal'-Essirniy.